

КАЛМЫКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1944–1956 гг.): ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ

А.С. Иванов

На примере калмыков, депортированных в Омскую и Тюменскую области, исследуется влияние режима спецкомендатуры на социализацию представителей отдельной этнической группы. Опираясь на широкий круг источников, автор показывает, что вынужденный характер социализации и административные барьеры привели к сбою в самоидентификации калмыков, создав угрозу самому существованию этноса.

Депортация, репрессии, социализация, спецпереселенцы-калмыки, спецпоселение.

С начала 1990-х гг. приоритет в разработке проблематики, связанной с депортацией «наказанных народов», принадлежал историкам. Фундаментальную основу научного осмысления принудительного переселения калмыцкого народа заложили в своих исследованиях Н.Ф. Бугай [1991, 1995], В.Н. Земсков [1990, 1991, 2003], В.Б. Убушаев [1991]. Этнографы и антропологи приступили к ее осмыслению относительно недавно. Наиболее значимыми по этой проблеме являются работы В.А. Тишкова и Э.-Б.М. Гучиновой. В.А. Тишков, обращаясь к этнографии повседневной жизни чеченцев и ингушей в ссылке, акцентирует внимание на стратегиях выживания депортированных и касается вопроса этнической консолидации в условиях спецпоселения [2003, с. 80–95]. Монография Э.-Б.М. Гучиновой является первой попыткой антропологического исследования депортации калмыков, депортационной травмы, нанесенной народу. Автор пытается осмыслить инструменталистское усвоение травмы калмыцким этносом, а также оценить механизмы и пути сохранения целостности и культурной самобытности группы в экстремальных условиях спецпоселения [Гучинова, 2005].

В то же время, несмотря на появление значительного количества работ, затрагивающих те или иные аспекты социализации в условиях репрессии, для исследований такого рода характерно недостаточное внимание к проблеме соотношения режимного статуса спецпереселенца, предписываемого репрессивными органами представителям этнических групп, и особенностей социализации личности в новых этнокультурных условиях. В данной статье мы постараемся восполнить этот пробел, показав на примере калмыков, депортированных на территорию Омской и Тюменской областей, влияние статусных характеристик на процесс становления и формирования личности — социализацию.

Социализация представляет собой двуединый процесс. С одной стороны, он включает в себя усвоение индивидом определенной системы знаний, ценностей, норм, социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей и в результате воздействия на него общества и его структур. С другой стороны, процесс социализации предполагает активное воспроизводство системы социальных связей через его активное вовлечение в социальную жизнь посредством деятельности [Колочко и др., 2004, с. 60].

Решение стоящих перед нами исследовательских задач потребовало привлечения широкого круга источников. Источниковую базу работы составили документы, выявленные в федеральных (ГАРФ, РГАЭ) и региональных (ГИАОО, ГАХМАО, ГАСПИТО) архивах, опубликованные и неопубликованные (рукописи) воспоминания бывших спецпереселенцев. Ценным дополнением стали полевые материалы, собранные автором в ходе экспедиций (2009–2011 гг.) по районам Ханты-Мансийского (Березовский, Кондинский, Сургутский) и Ямало-Ненецкого (Шурышкарский р-н) округов. В экспедициях были записаны использованные в исследовании воспоминания как самих репрессированных калмыков (Мучиряев С.Г., Зуева Т.А.), так и людей, имевших опыт общения и взаимодействия с ними в период нахождения на спецпоселении (Пачганова Л.Е., Соколова А.М., Хозяинова А.Ф. и др.).

Процесс социализации депортированных калмыков происходил в особых условиях ввиду того, что они попали в существовавшую в Сибири систему спецпоселений, созданную по приказу НКВД № 001766 от 22 ноября 1943 г. «Об организации комендатур спецпоселений НКВД Алтайского, Красноярского краев, Новосибирской и Омской областей». Главными ее задачами

были «усиление агентурно-оперативной работы» среди спецпереселенцев, а также «учет и наблюдение за трудовым устройством» [Белковец, 2003, с. 179]. В приказе о введении в действие Положения о районных и поселковых комендатурах НКВД, подписанном Л. Берия 7 февраля 1944 г., указывались права и обязанности спецпереселенцев. Так, Положение закрепляло, что они «пользуются всеми правами гражданскими, за исключением некоторых ограничений, предусмотренных отдельными постановлениями органов государственной власти» [Там же, с. 180–181]. Эта формулировка была сохранена и в постановлении СНК от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев», где первой их обязанностью объявлялся добросовестный труд и в то же время ограничивалась свобода передвижения [Постановление СНК..., 1993, с. 184].

В начале 1944 г. Омская область (в состав которой до 14 августа 1944 г. входила Тюменская область) приняла 27 088 калмыков [ГИАОО, ф. 437, оп 21, д. 131, л. 46]. Депортированные были расселены в 590 населенных пунктах [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 161, л. 18], где они использовались на сельскохозяйственных работах в колхозах, совхозах и в значительно меньшей степени в местной и других отраслях промышленности [Там же, л. 140; д. 164, л. 180].

Все депортированные автоматически получили статус «спецпереселенцы, контингента “калмыки”». Уже в первом квартале 1944 г. специально для «обслуживания» новой категории «спецконтингента» в Омской области было создано 19 новых районных и поселковых комендатур [Там же, д. 161, л. 18.]. Надзор за каждым спецпереселенцем осуществлялся не только комендантом. Комендатура разделялась на 5–10-дворки, возглавлявшиеся «старшими» (из числа спецпереселенцев), которые осуществляли гласный надзор. Группы ответственных лиц в производственных и хозяйственных организациях надзирали за депортированными «в силу служебного положения» (например, лесничие). Кроме того, существовала тайная агентурная сеть среди калмыков и «групп содействия» из местных жителей [Там же, д. 464, л. 232]. Кратко, но емко охарактеризовала режим комендатуры К.Д. Насунова-Сенглеева: «Я думаю, что это была “свободная тюрьма”, где жили и работали под надзором» [2003, с. 261].

Процесс социализации охватывает три сферы, в которых осуществляется главным образом становление личности: деятельность, общение, самосознание [Колочко и др., 2004, с. 60]. В ходе деятельности, на протяжении всего процесса социализации, человек углубляет и расширяет свои возможности как субъекта деятельности, осваивая все новые ее виды. Калмыки были лишены возможности выбора вида деятельности, и, как показывала практика, это непосредственно сказывалось на успешности хозяйственной (производственной) социализации личности. Калмыки более чем на 90 % были скотоводами [Убушаев В.Б., Убушаев К.В., 2007, с. 258], поэтому хозяйственная социализация быстрее происходила в совхозах на животноводческих фермах. Производительность труда рабочих спецпереселенцев по совхозному сектору уже к середине марта 1944 г. составляла от 75 до 100 % [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 177, л. 82 об.].

Особенно трагическим оказалось положение более чем 9 тыс. калмыков, переселенных в соответствии с постановлением от 30 апреля 1944 г. для работы в рыбной промышленности. Большинство переселенцев составили женщины и дети, которые в подавляющем большинстве не имели необходимой производственной квалификации или хозяйственного опыта. К октябрю 1945 г. женщин и детей среди переселенцев в Тюменской области насчитывался 81 % [Докладная записка..., 1993, с. 199], в то же время трудоспособными были признаны по Тюменской области лишь 48,2 % депортированных [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 164, л. 221]. В промышленности Омской области доля трудоспособных составила 55,7 % от общего числа завезенных [Там же, л. 168 об.]. Женщинам-калмычкам и подросткам (официально использовался труд подростков 14–16 лет) приходилось осваивать новые для них виды работ только на практике [ГАХМАО, ф. 118, оп. 1, д. 328, л. 1]. Результатом была более медленная социализация в сфере деятельности. Так, производительность труда на рыбопромышленных предприятиях севера к концу 1945 г. более чем на треть уступала показателям местного населения [Серазетдинов, Иванов, 2009, с. 72].

Фактором, лимитирующим способность спецпереселенцев-калмыков к трудовой социализации, были ограничения на пользование многими социальными лифтами, доступными «правовому» населению. Депортированный калмык Б.А. Богаев вспоминает о назначении в послевоенные годы своего односельчанина главным бухгалтером рыбартели: «Безусловно, назначение переселенца на столь высокий пост бесследным для окружающих не осталось. Нашлись такие, которые написали жалобы, и начались соответствующие проверки» [2009, с. 172–173]. Приказом № 52 от 5 марта 1953 г. управляющий Ханты-Мансийского госрыбтреста требовал заменить всех спецпереселенцев вольнонаемными, начиная с должностей бригадиров лова, приемщиков

береговых пунктов в колхозах и, по возможности, сортировщиц и укладчиц в рыбообработывающих цехах [ГАХМАО, ф. 118, оп. 1, д. 388, л. 2–3].

Проведенные в соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпереселенцев» от 29 июня 1955 г. в 1955–1956 гг. омским и тюменским обкомами КПСС проверки показали, что случаи привлечения калмыков на ответственные должности (секретарей первичных комсомольских, профсоюзных и партийных организаций) были исключительным явлением и свидетельствовали о существовании дискриминации [ГАСПИТО, ф. 124, оп. 96, д. 104, л. 73–76.; ГИАОО, п — ф. 17, оп. 1, д. 7084, л. 1–5]. В результате, даже обладая необходимыми умениями и навыками, они не могли полностью реализовать свои способности. Ограничителем выступал статус спецпереселенца.

Ключевым вопросом для адаптации любой этнической группы в условиях спецпоселения становилась этика поведения ее представителей по отношению к власти. При контактах с государственными органами калмыки выработали одну из наиболее конформистских стратегий поведения. Об этом свидетельствуют материалы «карательной» статистики. Для этой группы «спецконтингента» был мало характерен такой вид активного протеста, как побег. В III квартале 1947 г. в СССР бежало 4494 спецпоселенца, из которых к контингенту «калмыки» относились 55 чел. (с территории Тюменской области бежало 6 чел., в Омской побегов зафиксировано не было) [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 366, л. 235, 236 об, 237, 296]. К 1 ноября 1948 г. на территории Омской области на спецпоселении состояло 10 356 калмыков, при этом с момента расселения побег совершили всего 13 чел. Для сравнения: за тот же период среди контингента «оуновцы» по области бежало 520 чел., в результате к моменту сверки на спецучете состояло 14 924 спецпереселенца этой категории. Наиболее распространенной разновидностью протеста стали «письма во власть». Такие обращения были как индивидуальными [Письмо У.Д. Кекеева..., 1993, с. 189–190], так и коллективными [ГАХМАО, ф. 118, оп. 1, д. 259, л. 16–16 об.]. При этом не шло речи о так называемых «волынках» (коллективных отказах от работы), даже в своих жалобах калмыки обосновывали необходимость помощи государственным интересам, так как считали, что их наказала собственная вина, которая «ошибочно» выселила целый народ.

Объяснить столь существенные различия в поведенческих установках у двух групп «спецконтингента», обладающих общим спецпоселенческим статусом, достаточно просто. Дело в том, что калмыки являлись народом, органично вписанным в пирамиду советских национальностей: сама государственность, в форме автономной республики (Калмыцкой АССР), была предоставлена им советской властью. Поэтому многие калмыки (особенно партийные, советские работники и сотрудники спецслужб) были глубоко интегрированы во властные институты и не допускали даже мысли об активном сопротивлении системе. Напротив, спецпереселенцы-«оуновцы» представляли собой население областей Западной Украины (в основном члены семей участников организаций украинских националистов (ОУН)), лишь перед войной включенное в состав СССР, впоследствии находившееся под оккупацией и имевшее опыт вооруженного сопротивления советской власти.

Важным следствием депортации стало изменение гендерных ролей в калмыцкой семье. К началу войны преобладала патриархальная модель, главой семьи был старший мужчина. На поселении традиционная сфера ответственности калмычки расширилась. Калмычке приходилось нести ответственность за всех членов семьи, быть главой семьи и материально обеспечивать ее, выполняя роль, традиционно принадлежащую мужчине. Навязанный государством «гендерный контракт» превратил калмычку в работающую мать. От нее теперь требовалось как «женское природное предназначение», так и «общественно полезный» труд [Гучинова, 2007, р. 86–87, 90–91]. К примеру, Т.Т. Дюгеева к моменту воссоединения семьи с мужем в 1946 г. в лесу «...приобрела навыки работы на лесоповале, умела бондарничать, рыбачить, солить рыбу» и параллельно воспитывала двух племянников, потерявших родителей [Дюгеева, 2003, с. 253].

В сфере общения социализация также носит характер расширения и умножения контактов, связей личности с другими людьми. Прибывшие калмыки оказались в совершенно иной этнокультурной среде. Налаживание контактов с местным населением первоначально осложнялось тем, что среди сибиряков распространился миф о людоедах. Спецпереселенец-калмык Борис Пахомкин, размещенный в с. Сыропятка Кормиловского р-на, отмечал, что перед прибытием «прошел слух, что везут выселенцев калмыков-“людоедов”» [1994, с. 2]. Аналогичные слухи распускались на станции Коломзино [Бадьмина, 2003, с. 194]. Эта небылица распространилась не только среди «правового» населения, но и среди ссыльных: «...население здесь было из бывших русских кулаков.

Вначале они к нам относились с опаской. Слышали, что мы людоеды, и они своих детей долго не выпускали, а нас к своему дому близко не подпускали» [Дюгеева, 2003, с. 253]. Миф этот был распространен повсеместно, в том числе на Крайнем Севере. А.Ф. Хозяинова, коми по национальности, работавшая в оленеводстве в районе Яр-Сале, а затем в Шурышкарском р-не, вспоминала, что в первые послевоенные годы «все говорили: “к нам известие пришло, что какие-то люди черные приехали, они, говорят, людей едят”» (Хозяинова А.Ф., 1925 г.р.). Однако вскоре сибиряки «поняли, что мы (т.е. калмыки.— А. И.) достойны сочувствия и помощи» [Дюгеева, 2003, с. 254].

Повсеместность распространения «людоедских слухов» позволила Э.-Б. М. Гучиновой выдвинуть предположение о том, что они «сознательно или подсознательно» использовались спецслужбами, осуществлявшими депортацию, чтобы исключить калмыков не только из «правового поля», но и из человеческого сообщества в целом [2005, с. 100].

Более долгосрочным препятствием было незнание многими калмыками русского языка. Депортированный из с. Леман Леманского р-на Калмыцкой АССР С.Г. Мучиряев отмечал, что «на русском вообще никто не разговаривал... вот те калмыки (жившие по границе со Ставропольским краем.— А. И.) они как-то знали русский язык, а кто в середине территории жил, тот вообще никто не знал...» (Мучиряев С.Г., 1937 г.р.).

В условиях депортации выросло поколение калмыцких детей, для которых первым языком стал русский. Калмыцкий язык, сдав свои функциональные позиции русскому, постепенно отошел на второй план в общественной жизни народа, а затем и в других сферах его жизнедеятельности. Русский стал языком выживания, условием установления нормальных отношений с местным населением [Гучинова, 1993, с. 52]. Распоряжением правительства от 20 июня 1944 г. обучение калмыков должно было проводиться на общих основаниях на русском языке [Шадт, 2004, с. 222]. Расселенный в совхозе под Омском В.М. Бадмахалгаев, лишь «обжившись на новом месте и усвоив разговорную русскую речь... пошел в школу» [2003, с. 192].

Это привело к тому, что, по переписи населения 1959 г., среди калмыков, которые проживали в Калмыцкой АССР, каждый десятый назвал родным языком не калмыцкий [Убушаев В.Б., Убушаев К.В., 2007, с. 263]. Среди оставшихся в Сибири после отмены режима спецпоселения не владели национальным языком в Омской области 25 %, в Тюменской — 31 % калмыков (табл.).

В изгнании калмыки применяли защитные механизмы, проявлением которых стало изменение в период депортации прежних пишедобывающих стратегий, свойственных культуре калмыков: в рацион вошли растительные продукты, в первую очередь картофель. «Какие вещи были новые, все меняли на продукты и картошку, молоко и другое... собирали пшеничные колосья сушили, мяли... крутили, мололи на крупу и муку. Каши варили, лепешки стряпали» [Первеев, л. 4 об.].

Со смягчением остроты проблемы физического выживания, особенно актуальной в первые годы депортации, спецпереселенцы стали восстанавливать разорванные депортацией родственные связи: в результате принудительного переселения оказались разделены тысячи семей. Начались поиски родственников, попытки установить с ними связь по переписке, добиться разрешения комендатуры на их переезд из одного места спецпоселения в другое [Амнинов, 2003, с. 244].

Дисперсность расселения принуждала к установлению надродовых связей, особенно актуальным этот вопрос был для молодежи, находящейся в брачном возрасте, так как депортация фактически лишила молодых калмыков права выбора брачной стратегии. В системе спецпоселений с ее жесткой регламентацией любых перемещений брак становился способом сменить по крайней мере место жительства на более приемлемое. Бывали случаи, когда жених лично приезжал и забирал невесту в соседнюю область, где состоял на спецучете [Амнинов, 2003, с. 244], либо будущую невесту «выписывали» с Севера его родители, а по приезде молодые, только узнав друг друга, оформляли отношения [Гучинова, 2007, р. 94–95]. Это противоречило традициям и калмыцкому представлению о браке, но в условиях спецпоселения признавалось допустимым.

Третья сфера социализации — развитие самосознания личности, формирование ее «Я-образа» — осуществляется также на протяжении всей жизни человека через его деятельность и общение в различных социальных группах, с различными личностями. Трансформационные процессы этнического сознания, происходившие в годы депортации, определили внутри поколения, пережившего депортацию, две группы. Первую составили люди, депортированные в зрелом возрасте, с уже сложившимися взглядами на мироустройство, обладавшие определенным этническим самосознанием и политическими убеждениями. Вторая — те, кто был вывезен в Сибирь в малолетнем возрасте.

Количество калмыков в Омской и Тюменской областях с распределением по владению родным языком (по итогам Всесоюзной переписи 1959 г.)*

Область и национальный округ	Всего	Родной язык своей национальности	Родной язык не своей национальности	
			Русский	Прочие языки
Все калмыцкое население (оба пола)				
Омская	1367	1024	339	4
Тюменская	1340	921	414	5
В т. ч. Ханты-Мансийский	195	100	92	3
В т. ч. Ямало-Ненецкий	28	16	12	—
Городское и сельское население (мужчины)				
Омская	720	530	189	1
Тюменская	714	464	247	3
В т. ч. Ханты-Мансийский	116	54	60	2
В т.ч. Ямало-Ненецкий	17	8	9	—
Городское и сельское население (женщины)				
Омская	647	494	150	3
Тюменская	626	457	167	2
В т. ч. Ханты-Мансийский	79	46	32	1
В т. ч. Ямало-Ненецкий	11	8	3	—
Городское население (мужчины)				
Омская	189	116	73	—
Тюменская	399	293	106	—
В т. ч. Ханты-Мансийский	27	12	15	—
В т. ч. Ямало-Ненецкий	6	4	2	—
Городское население (женщины)				
Омская	133	68	65	—
Тюменская	372	302	70	—
В т. ч. Ханты-Мансийский	21	13	8	—
В т. ч. Ямало-Ненецкий	7	5	2	—
Сельское население (мужчины)				
Омская	531	414	116	1
Тюменская	315	171	141	3
В т. ч. Ханты-Мансийский	89	42	45	2
В т. ч. Ямало-Ненецкий	11	4	7	—
Сельское население (женщины)				
Омская	514	426	85	3
Тюменская	254	155	97	2
В т. ч. Ханты-Мансийский	58	33	24	1
В т. ч. Ямало-Ненецкий	11	4	7	—

* Составлено по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 1566а, л. 126–132; д. 1566в, л. 53–73.

В тех поселениях, где были представители старшего поколения, язык, традиции и обычаи продолжали поддерживаться в той степени, которая позволялась внешними обстоятельствами. «Большое значение имело то, что нас в поселении было много. Мы старались поддерживать свои традиции. Конечно, в меру возможностей. В дни калмыцких праздников, пусть даже иногда почти условно, но заглядывали друг к другу и отмечали. Одно время даже приспособились гнать калмыцкую молочную водку. Закоперщиками были моя бабушка Эренжен Парскановна и ее приятельница, мать Цагады Ункурова. Они хорошо знали свое дело, а молока хватало, так как сибирские коровы отличались высокой молочностью. Поэтому удавалось произвести популярный напиток не только на собственные нужды, но оставался он и для угощения гостей. Сказать к слову, Цагада в Тюменском облторготделе занимал высокую должность. Думаю, не ошибусь, предположив, что его сослуживцы имели возможность продегустировать калмыцкую араку¹» [Амнинов, 2003, с. 244].

В некоторых семьях сохранились предметы материальной и духовной культуры: молитвенные лампадки и бурханы. Единицам удалось сберечь рукописные произведения буддистской

¹ Калмыцкая водка.

литературы. «На 2-м² поселке жила — мы называли ее — “божественная бабушка”. Она калмычка... в Кондинске ходила. А там больница была большая. И, соответственно, больных было больше калмыков... Она придет, молитву почитает (у постели больного.— А. И.), своими четками коснется его лба. И эти врачи не запрещали вообще. И она как царица, ходила из палаты в палату... она не столько лечила, может быть, она морально поддерживала их... у ней было все: четки, молитвенник и Будда был... Из всех, из шести поселков (Кондинской спецкомендатуры.— А. И.), больше никого не было. Потому, что там молодухи (были расселены.— А. И.)...» (Мучиряев С. Г., 1937 г.р.).

Представления о будущем под влиянием старшего поколения и структурированных в новых условиях форм этнической идентичности связывались с возвратом в традиционную среду обитания, на родину, к прошлым взаимоотношениям: «Наши отцы были непробиваемы, их поколение было просто зомбировано. На родину, на родину, на родину. Для них родина — это всё», — рассказывал О. Манджиев [Гучинова, 2005, с. 170]. В такой ситуации этническое самосознание не могло быть искоренено, оно наличествовало всегда, пусть даже в латентной форме.

Вторая группа, включающая тех, чье становление происходило в период депортации и кто не располагал естественной информацией о жизни в целостном калмыцком обществе, в основной своей массе представляет этнических маргиналов. Формирование «Я-образа» в этой группе происходило под влиянием реалий окружающей действительности. В основном оно складывалось из отношения местного населения к калмыкам. Они выпали из поля этнической идентичности, оставаясь в нем чисто номинально. Состояние маргинальности стало основой для их разнонаправленной ориентации. Такая разнонаправленность характеризуется состоянием неопределенности, внутренней напряженности, непониманием и открытым неприятием ментальных факторов, присущих представителям своего этноса [Бичеев, 2005, с. 322–323]. Наглядный тому пример — воспоминания Б.А. Богаева: «...мы, мальчишки и девчонки, стеснялись называть себя калмыками, не возмущались, что нас из Бадмы, Санджи, Кермен превратили в Бориса, Сергея, Клару. Мы стеснялись говорить на своем родном языке, не говоря уже о том, чтобы петь и танцевать. Не скрою, нам тогда казалось, что все калмыцкое хуже, чем русское, белорусское и т.д. Мы, тогда малолетние ребята, были уверены в том, вернее, склонялись к тому, что, являясь представителями маленькой нации, имеем маленькие, крошечные, ограниченные способности, потенциал во всем. Как я сейчас понимаю, это был результат той целенаправленной политики» [2009, с. 210–211]. Причиной тому был режим комендатуры: «Когда я стала иметь дело с комендатурой, то поняла, что я спецпереселенка и имею ограниченные права. Я стыдилась своего происхождения и своей национальности» [Гецелова, 1999, с. 268].

Калмыки были вынуждены отказаться от наиболее ярких маркеров этничности: родного языка, личных имен, демонстративной религиозности и народных праздников. В районах выселения сформировался инвариант калмыцких обрядов цикла жизни, в котором многие субэтнические элементы не были представлены, а многие обряды соблюдались символически [Гучинова, 1993, с. 52]. Поэтому у представителей других народов, имевших опыт взаимодействия с калмыками, их национальные традиции ассоциировались с калмыцким чаем (джомбой) (Терентьева С.Е., 1929 г.р.; Пачганова Л.Е., 1935 г.р.), который стал основой питания в кризисной ситуации. В сознании жителей Обского Севера (как спецпереселенцев, так и «правового» населения) представление о калмыках как об обособленной этнической группе связано с понятием «калмыцкий барак». Особенно это характерно для рыбопромышленных районов, где многим калмыкам до возвращения на родину пришлось ютиться в помещениях барачного типа (Соколова А.М., 1928 г.р.; Сузи В.А., 1927 г.р.).

Одним из немногих позитивных результатов пребывания на спецпоселении стала активизация процесса этнической консолидации, которая происходила в ходе выработки стратегий и тактик выживания в экстремальных условиях. Общность опыта и статуса спецпереселенцев сплотила калмыков, приведя к тому, что общекалмыцкая этническая идентичность возобладали над локальными формами самосознания. Не случайно проведенному детство в детдомах Ханты-Мансийского округа Г.М. Борликову до возвращения в Калмыкию «казалось, что все калмыки — братья», на родине же «оказалось, делятся...» [2003, с. 248]. В Сибири достаточно было того, что ты калмык.

При межэтническом взаимодействии в условиях депортации определяющее значение имела не этническая принадлежность, а статус личности, ее принадлежность к спецпоселенческо-

² Поселок Мало-Новый Кондинской спецкомендатуры.

му социуму: «...жили здесь (в подсобном хозяйстве спецторга МВД Тюменской области.— А. И.) около сорока семей калмыков, семей десять немцев и только одна русская семья. Таким образом, все переселенцы были равны в своем положении — спецпереселенцы. И жили дружно» [Амнинов, 2003, с. 243].

Депортация и спецпоселение нанесли глубокую травму каждому спецпереселенцу. Не случайно в этническом сознании калмыков годы, проведенные на спецпоселении, ассоциируются с геноцидом, попыткой уничтожить народ, а множество индивидуальных травм переросли в общую — коллективную депортационную травму, проявления которой заметны и в сочинениях современных школьников-калмыков [Память..., 2005, с. 74–75].

Вынужденный характер социализации понизил адаптивные способности личности к иной этнокультурной и природно-хозяйственной среде, приведя к огромным демографическим потерям в этот период. По официальным данным, только в первые три месяца пребывания на поселении в Омской области умерло 1133 калмыка [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 161, л. 19]. Суммарные потери калмыцкого народа за годы депортации оцениваются в 41 % от общей численности [Максимов и др., 2005, с. 137]. Высокая смертность и низкая рождаемость на поселении (смертность превосходила рождаемость (с момента завоза до 1 октября 1948 г.) в 6,1 раза [Земсков, 1991, с. 163]) в сочетании с дисперсностью расселения создавали угрозу самому существованию этноса.

К началу 1956 г. на спецпоселении находилось 6163 калмыка в Омской области и 6153 в Тюменской [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 932, л. 96, 123]. 17 марта 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» [Убушаев, 1991, с. 77]. Калмыки были сняты со спецучета, однако право выезда в родные края они получили лишь 25 января 1957 г. [ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 580, л. 126 об.]. Организованный выезд калмыков с мест поселения, проходивший в 1957–1958 гг., принял массовый характер. К моменту проведения переписи 1959 г. желавшие выехать калмыки в основном покинули Сибирь. К этому времени на исследуемой территории находилось 2707 чел. (табл.). Как правило, это были те калмыки, у которых не осталось родственников в местах выселения [Эрднеева, л. 1–2], либо вступившие в брак с лицами другой национальности [Первеев, л. 12] и их дети (Зуева Т. А., 1950 г.р.).

Социализация всегда сопровождается взаимодополняющими процессами: де- и ресоциализацией. Исследование показало, что принудительный характер переселения и нахождение в условиях режима спецпоселения превращали десоциализацию в процесс полного отказа от старых ценностей, норм, разрушения традиционной калмыцкой семьи при адаптации к новым условиям. В ходе ресоциализации происходила выработка стратегий выживания, одной из которых стало изменение гендерных ролей в семье, обучение новым видам деятельности (рыболовству, работе на лесоповале и др.), нормам специального режима, правилам поведения в иноэтничном окружении и выстраивание отношений с властью в условиях особого режима. Вынужденный характер социализации привел к сбою в ценностях, чувствах и самоидентификации личности, появлению чувства неполноценности, что позволяет говорить о феномене «депортационной травмы».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Амнинов А.Д. Мы рано повзрослели // Мы — из выселенных навечно: Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / Сост. П.О. Годаев. Элиста: Джангар, 2003. С. 241–245.

Бадмахалгаев В.М. Терпение мамы вознаградилось // Мы — из выселенных навечно: Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / Сост. П.О. Годаев. Элиста: Джангар, 2003. С. 191–193.

Бадминова А.С. Мне не дали работать учителем // Мы — из выселенных навечно: Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / Сост. П.О. Годаев. Элиста: Джангар, 2003. С. 194–195.

Богаев Б.А. Забвению неподвластно. Элиста, 2009. 223 с.

Борликов Г.М. «Знаки ранящих мгновений» // Мы — из выселенных навечно: Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.). Элиста: Джангар, 2003. С. 246–249.

Гецелова Н.З. В восемь лет я стала сиротой // Боль памяти / Сост. П.О. Годаев. Элиста: Джангар, 1999. С. 266–269.

Докладная записка начальника УНКВД по Тюменской области Шеварова начальнику ОСП НКВД СССР Кузнецову о положении спецпереселенцев-калмыков в Тюменской области // Ссылка калмыков: как это было: Сб. док. и мат-лов. Т. 1, кн. 1 / Сост. П.Д. Бакаев, Н.Ф. Бугай, Л.С. Бурчинова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. С. 199–201.

Калмыки в Западной Сибири (1944–1956 гг.): особенности социализации на спецпоселении

Дюгеева Т.Т. Не только судьбы были исковерканы, но и имена, фамилии // Мы — из выселенных навечно: Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.). Элиста: Джангар, 2003. С. 251–254.

Насунова-Сенглеева К.Д. В ссылке раскрылись лучшие черты нашего народа // Мы — из выселенных навечно: Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / Сост. П.О. Годаев. Элиста: Джангар, 2003. С. 259–261.

Память в наследство: Депортация калмыков в школьных сочинениях / Сост. С.И. Шевенова, Э.Б. Гучинова; ИЭА РАН. СПб., 2005. 236 с.

Письмо У.Д. Кекеева Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину // Ссылка калмыков: как это было: Сб. док. и мат-лов. Т. 1, кн. 1 / Сост. П.Д. Бакаев, Н.Ф. Бугай, Л.С. Бурчинова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. С. 189–190.

Пахомкин Б. Боялись нас не только вначале // Омск. правда. 1994. 2 марта. С. 2.

Первеев П.М. (Рукоп. воспоминаний) // ГАХМАО. Ф. 422, оп. 6, д. 2. Л. 1–12 об.

Постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» (8 января 1945 г.) // Ссылка калмыков: как это было: Сб. док. и мат-лов. Т. 1, кн. 1 / Сост. П.Д. Бакаев, Н.Ф. Бугай, Л.С. Бурчинова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. С. 184.

Эрднеева Софья Убушуевна (Рукоп. воспоминаний) // Прифондовые мат-лы Архивного отд. Администрации Березовского р-на. Л. 1–2.

Литература

Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003. 324 с.

Бичеев Б.А. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков: Дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2005. 381 с.

Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 88 с.

Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. 320 с.

Гучинова Э.-Б.М. Ритуальная жизнь калмыков на фоне Советской власти // Калмыки: перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993. С. 49–65.

Гучинова Э.-Б.М. Помнить нельзя забыть: Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт: Ibidem, 2005. 282 с.

Гучинова Э.-Б. «Я — выселенная, ты — без ноги». Депортация калмыков (1943–1956): Гендерный взгляд // Acta Slavica Iaponica. 2007. Vol. 24. P. 74–99.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.

Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: Статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.

Колочко Ю.Н., Ермилова Н.Ю., Колочко А.Ю. Понятие личности, ее структура и факторы формирования // Вестн. СевКавГТУ. Сер. Гуманитар. науки. 2004. № 1. С. 55–62.

Максимов К.Н., Очирова Н.Г., Таванец С. Калмыкия и калмыки в годы трудного лихолетья // Они сражались за Родину: Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны: Книга-хроника. М.: Нов. хронограф, 2005. С. 125–143.

Серазетдинов Б.У., Иванов А.С. Спецпереселенцы-калмыки Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны (1944–1945 гг.): Особенности использования принудительного труда в рыбной промышленности // Вестн. ЧелГУ. 2009. № 41 (179). История. Вып. 38. С. 68–72.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. 2-е изд., испр. М.: Наука, 2003. 552 с.

Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. Элиста: САНАН, 1991. 218 с.

Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение: 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. 496 с.

Шадт А.А. Национальная политика в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск: Наука-Центр, 2004. 293 с.

Сургутский государственный университет
7.live@bk.ru

By the example of Kalmyks deported to Omsk and Tyumen Oblast, subject to investigation being the influence of regime of special commandant's office upon socialization of representatives of a separate ethnic group. Basing on a broad circle of sources, the author shows that the enforced character of their socialization, together with administrative barriers, resulted in failure of Kalmyks' self-identification, creating threat to the very existence of that ethnic group.

Deportation, repressions, socialization, Kalmyks-special migrants, special exile colony.